

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

ВИНА ДОКТОРА ШМИТТА

Протоиерей Александр Задорнов

кандидат богословия, доцент
заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин
Московской духовной академии
доцент Сретенской духовной академии
доцент кафедры церковно-практических дисциплин
Общecerковной аспирантуры и докторантуры
им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
141300, Московская область, Сергиев Посад,
Троице-Сергиева лавра, Академия
azadornov@yandex.ru

Для цитирования: Задорнов А. В., прот. Вина доктора Шмитта // Праксис. 2024. № 2 (15). С. 133–142. DOI: 10.31802/PRAxis.2024.15.2.008

Аннотация

УДК 340.12

Статья содержит обзор русского перевода биографии немецкого юриста и философа права К. Шмитта, автора концепции «политической теологии». Этот крупнейший авторитет в области юриспруденции XX века поставил право перед нравственным выбором — служение любому закону или уход из правового поля при уничтожении его правил. Показывается значение идей Шмитта для права и философии сегодня, особенно — для практической теологии.

Ключевые слова: практическая теология, философия права, политическое богословие, К. Шмитт.

Dr. Schmitt's guilt

Archpriest Alexander Zadornov

PhD in Theology

Head at the Department of Ecclesiastical and Practical Disciplines
at the Moscow Theological Academy

Associate professor of the Sretensky Theological Academy

Assistant Professor of Church and Practical Studies Department

Saints Cyril and Methodius Church-wide Post-graduate and Post-graduate Studies

Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

azadornov@yandex.ru

For citation: Zadornov Alexander, archpriest. "Dr. Schmitt's guilt" *Praxis*, № 2 (15), 2024, pp. 133–142 (in Russian). DOI: 10.31802/PRAxis.2024.15.2.008

Abstract. The article contains a review of the Russian translation of the biography of the German lawyer and philosopher of law C. Schmitt, the author of the concept of "political theology". This major authority in the field of jurisprudence of the XX century put law before a moral choice – serving any law or leaving the legal field when its rules are destroyed. The significance of Schmitt's ideas for law and philosophy today, especially for practical theology, is shown.

Keywords: Practical theology, philosophy of law, political theology, Carl Schmitt.

В фильме «Нюрнбергский процесс» Стэнли Крамера (1961 год) рассказывается о суде над судьями нацистской Германии, возглавляемом американцем Дэном Хейвудом. Подсудимые стали профессиональными юристами ещё в эпоху вильгельминизма, практиковались во времена Веймарской республики и без колебаний служили Третьему рейху. Главный антагонист Хейвуда — как всегда прекрасно сыгранный Бертом Ланкастером практикующий судья и ученый-юрист доктор Эрнст Яннинг, на основании признания которого обвинение добивается осуждения подсудимых. Это признание следует вопреки уже близящемуся к выигрышу общему ходу процесса, в течение которого блестящий адвокат Ганс Рольф (великолепный в этой роли Максимилиан Шелл) свёл вину подсудимых к общей вине государств, допустивших Вторую мировую войну.

Судебное решение, выносимое из принципа справедливости, а не по формальному закону, этому принципу переставшему отвечать, — вот основная проблема не только фильма Крамера, но и реальной германской юриспруденции после Второй мировой. Когда юриспруденция перестала отвечать этому принципу? Для Крамера — после того как персонаж его фильма впервые осудил на смерть невиновного. В реальности всё, разумеется, сложнее.

Порою кажется, что «министр юстиции нацистской Германии» Эрнст Яннинг списан Крамером с реального Карла Шмитта. По крайней мере в том, что касается бэкграунда героя, многое совпадает — блестящая научная карьера, окопы Первой мировой, страстное до фанатизма служение праву при любом политическом режиме — за исключением раскаяния после уже Второй мировой. В нововышедшем русском переводе биографии немецкого юриста, написанной Райнхардом Мерингом, этот путь Шмитта описан с немецкой дотошностью и таким же отсутствием оценок.

Европейская культура послевоенной поры при разговоре о своей вине в допущении массовой войны часто уходила в гуманистический нигилизм — вспомним классический «запрет» на стихи после Освенцима у Адорно. Последний невольно становится на сторону главного героя манновского «Доктора Фаустуса», также желавшего уничтожить всё высокое и благородное, воплощением чего служила для него бетховенская Девятая симфония.

Книга профессора Высшей педагогической школы в Гейдельберге Райнхарда Меринга как будто уходит от этих вопросов с помощью позитивистского выстраивания судьбы своего героя вокруг обычных

событий жизни немецкого учёного — генеалогия, первые годы и жизненные впечатления, учёба и выбор научной карьеры, первые публикации, госслужба и т. д. Обычные события иногда перемежаются искривлениями в виде двух странных браков — на кафешантанной певичке и обреченной туберкулёзом к ранней смерти ученице, обе — сербского происхождения. Мировоззренческая эволюция описана столь же бесстрастно: «К концу 1924 года Шмитт уже порвал с католической средой и клерикализмом. К этому добавились разногласия с «еврейскими» коллегами. Он концентрируется на своей личной жизни, контактах со студентами и дружелюбными коллегами на соседних факультетах»¹.

Из всех возможных способов изложения биографии Меринг избирает самый простой — последовательное изложение внешних событий жизни героя; за внутренние переживания отвечают письма и до конца до сих пор нерасшифрованные дневниковые записи. Конечно, хорошо, что автор не предлагает читателю очередную попытку реконструкции «внутреннего мира» своего героя — с помощью феноменологии или психоанализа, в современных биографиях в избытке все методы века XX и ещё парочка новомодных приёмов. Меринг выше этого — его Шмитт переживает европейскую историю как череду обстоятельств, которые способствуют его становлению. Главный тезис ранних работ Шмитта — не право возникает из факта власти, а власть объясняется через право. Гегелевский историцизм опровергается здесь самим фактом существования права, свободного от всяких утилитарных целей. Государство в таком понимании — это правовой субъект, обеспечивающий непрерывную связь между нормой права и действительностью: «Государство есть правовая форма, смысл которой состоит исключительно в задаче воплощения права»². Именно как основа правовой реализации государство получает свою легитимность, а право становится позитивным, различая свою идеальную и фактическую стороны.

Фактически Шмитт превращает государство в посредника между властью и правом, решая, в том числе, и давнюю проблему существования правового начала в церковном организме. Правовая форма первохристианской харизмы (дискуссия Зома-Гарнака) и существование Божественного права возможно представить только через еkkлeзиологическое служение индивида. Как христианин первых веков преданно — вплоть до мученичества служил Богу и Его Церкви, так и ново-европейский гражданин преданно служит государственным задачам.

1 Меринг Р. Карл Шмитт. Взлет и падение / пер. с немецкого И. Ивакиной. М., 2023. С. 210.

2 Там же. С. 72.

Такой индивид приобретает юридическую ценность только в системе государства, которое, в свою очередь принимает решение о чрезвычайном положении (впоследствии Шмитт сделает это право одним из определений государственного суверенитета) и стабилизирует соотношение защиты и порядка.

Достоинство человека как гражданина («правовой индивид в терминологии Шмитта) осуществляется только в правовом государстве, являющемся социальным фактом, в котором и церковное право является легитимной правовой школой. Данные рассуждения немецкого правоведа многие его современники расценили как подчинение Церкви Левиафану государства, при этом, как специально замечает Меринг, Шмитта нельзя было в период Первой мировой назвать практикующим католиком: «Шмитт не был верным последователем церкви. Хотя иногда он посещал службы и отмечал крупные праздники, но повседневные церковные ритуалы для него ничего не значили. Он, несомненно, был религиозен, но сохранил за собой право независимого определения личного христианства»³.

В споре между А. Гарнаком и Р. Зомом о праве в Церкви видимой и невидимой Шмитта удивляет отсутствие у антагонистов категории просто «официальной» или «конкретной» Церкви. При этом сам юрист согласен с версией Гарнака о необходимости структурирования церковной организации под влиянием форм Божественного церковного права. Шмитт развертывает такое понимание историософски: Церковь выполняет роль посредника в историческое время, но в эсхатологические времена эта роль пропадает и Церковь, как и государство, перестаёт быть гарантом эпохи «опосредованности». Так у Шмитта появляется дуализм государства и Церкви, наибольшим образом проявленный в знаменитой и модной ныне «Политической теологии». Начинает наш автор с установления факта церковного предубеждения против государства (возможно, здесь сказалось тесное общение Шмитта с дадаистом и анархистом Хуго Баллем, автором, в том числе, работы о византийском христианстве⁴). Общность людей, исповедующих Боговоплощение, всё-таки сталкивается с неизбежностью смешения Божественного и секулярного, власти и права, а тем самым антагонизм между Церковью и государством, а также индивидом и Церковью. Шмитт здесь категоричен: «Когда христианин подчиняется воле власти, потому что она по определению происходит от Бога, он подчиняется Самому Богу,

3 Там же. С. 109.

4 Балл Х. Византийское христианство / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб., 2008.

но не власти. Это единственная революция мировой истории, которая заслуживает почёта и признания: христианство предложило мировой власти первый фундамент, признав её»⁵.

Отсюда понятен первый тезис «Политической теологии»⁶ о том, что все понятия учения о государстве Модерна есть секуляризированные богословские понятия. В такой перспективе абсолютизм иконически связан с теизмом, а идея правового государства с деизмом (впрочем, Шмитт указывает на своего политико-правового противника Г. Кельзена как первооткрывателя такого соответствия).

Пребывание Шмитта на юридическом факультете Боннского университета Меринг называет лучшим временем в его жизни и это действительно так. Здесь кристаллизуется его конституционная теория и Шмитт признаёт себя католическим мыслителем, отвечая на запрос 20-х годов прошлого века на создание новой католической интеллектуальности своим знаменитым эссе «Римский католицизм и историческая форма»⁷. Здесь Шмитт близок идее властвующего авторитета Церкви, сформулированной ещё де Местром в качестве мирской репрезентации Церкви. Развивая идеи Гарнака, он подчёркивает объединение в Церкви различных тенденций и стремлений, что позволяет противостоять властному экономическому мышлению капитализма. Тем самым Церковь даёт христианину достоинство и личные обязательства как члена христианской общины, выступая в качестве подлинной наследницей римской юриспруденции. Ценит Церковь Шмитт за «способность к трижды великой форме: эстетической форме художественного, юридической форме права и, наконец, всемирно-исторической форме власти в её блеске славы»⁸. Раннее противопоставление Церкви духа и Церкви закона для Шмитта больше не актуально, оно заменено «конкретной Церковью» как политической формой.

Эстетическая, правовая и политическая формы Церкви, декларируемые Шмиттом, позволяют ему продемонстрировать неактуальность спора Гарнака и Зома, выйти за его контекст и утвердить право в Церкви как его необходимую институциональную часть. Тем не менее, следует согласиться с Мерингом в его вышеприведённом выводе о разрыве Шмитта с католической средой уже в 1924 году: «Предубеждения по поводу

5 Меринг Р. Карл Шмитт. Взлет и падение. С. 111.

6 Шмитт К. Политическая теология / пер. с нем. Ю. Коренец и А. Филиппова. М., 2000.

7 Русский перевод см. в: Шмитт К. Политическая теология / пер. с нем. Ю. Коренец и А. Филиппова. М., 2000. С. 99–154.

8 Меринг Р. Карл Шмитт. Взлет и падение. С. 166.

современного государства и апокалиптическое восприятие Первой мировой войны на некоторое время заставили его вернуться к церковной альтернативе. Но Церковь едва ли могла оправдать эти большие надежды⁹. Здесь рождается Карл Шмитт — секуляризованный защитник политической теологии как правового начала в условиях поражения либерализма в изменении формы становления политической воли. Только принципиальная дихотомия «друг/враг» может позволить продолжить исследование понятия суверенитета, данного в «Политической теологии» 1922 года; таким продолжением стало «Понятие политического» пять лет спустя.

«Политическое» предполагается самим понятием государства, а основное противопоставление «друг/враг» преодолевается только войной как следствием бытийственного отрицания чужого бытия. Получается, что объединённые на этой почве противостояния чужому политические идентичности могут обойтись и без государства, но последнее неизбежно появляется там, где достигается «точка политического». Именно государственность формирует дружбу и вражду, поэтому бесполезен универсализм Лиги. Наций, неспособный противостоять «плюриверсуму» отдельных суверенных государств. Для утверждения такого понимания следует переоценить наследие либерализма, из-за которого все политические представления Модерна были систематически изменены. Именно либерализм виноват в неудачах Веймарской республики, так как индивидуализм политиков оставил в стороне политическую идею.

Конечно, от разочарования и критики Веймарской республики многие немецкие интеллектуалы встали на ту почву, которая через некоторое время позволит им приветствовать национал-социализм, Карл Шмитт не одинок на этом пути. Однако как верно замечает Меринг, случай Шмитта сложнее, его политическая этика «концентрируется на «самоутверждении» коллективной «экзистенции». Политическая «экзистенция» при этом предполагает не голое выживание, но борьбу за собственную «идентичность» и достоинство». Здесь уже трудно не заметить тот общий пафосом немецких консервативных революционеров, приведших их (пусть и временно в ряде случаев) к принятию Гитлера и его режима.

Собственно, о «вине доктора Шмитта» Меринг говорит не очень много. Всё в той же отстраненно-последовательной манере нанизывания фактов и мнений на жизненный путь своего героя биограф рассказывает о противопоставлении либерализма и демократии в работах 30-х годов, о деконструкции «буржуазного правового государства» и переходе

9 Там же. С. 210.

от учения о конституции к учению о государстве как новой и главной теме Шмитта периода нацистской диктатуры. Нельзя сказать, что Меринг оправдывает своего героя, но осуждает его, скорее, с психологической стороны: «В то время Шмитт считал себя лидером и требовал повиновения. Он почти не делает различий между моралью, политикой и правом. Эрнст Юнгер, напротив, держит дистанцию. Он демонстративно переезжает из Берлина в Гослар и скрывается от гитлеровской агитации». Войти в само чрево Левиафана или попытаться скрыться от него — вот две стратегии немецкого интеллектуала тридцатых годов и пример Юнгера здесь неслучаен. Всё дальнейшее, дотошно описываемое Мерингом — положение «охранителя права» в начале войны и медленное возвращение после 1945 года, частные лекции в Платтенберге, всеобщее осуждение при рецепции идей в совершенно иных условиях американского неоконсерватизма — всё это описывается очень подробно и с привлечением массы документов, но почти всё также безоценочно.

Вот как, например, Меринг передаёт нюрнбергскую позицию своего героя: «Государственные секретари последовали за Гитлером, пишет Шмитт, потому что попались на удочку «гитлеровских утверждений о законности» и из-за традиционной «немецкой потребности в законности» приняли тираническую систему за функционирующее бюрократическое государство. Шмитт анализирует систему как «двойное государство» хаотической тирании и рабского повиновения. Он утверждает, что не поверил в фасад нормальности, который когда-то помогал возводить»¹⁰. Позиция, напоминающая оправдания судей в фильме Крамера...

Одновременно с биографией Шмитта вышел русский перевод его «Политической теологии-II». Написанная уже в конце 60-х годов, она содержит ответы на отклики на классический текст 20-х годов, но более привлекает внимание разделы, посвящённые Евсевию Кесарийскому как прототипу политической теологии и оппоненту св. Августина. Оставив в стороне арианские пристрастия Евсевия, Шмитт сосредоточился на критике историка со стороны своих современников, сместивших акцент обвинений на «второе догматическое упущение — на неверные идеи Евсевия об истории спасения и эсхатологии, особенно на включение им Константина и Римской империи в учение об историческом явлении Спасителя и единстве мира в конце времён»¹¹. Такие обвинения для Шмитта равнозначны изъятию Евсевия из исторической

10 Меринг Р. Карл Шмитт. Взлет и падение. С. 515.

11 Шмитт К. Политическая теология II. Легенда об упразднении любой политической теологии / пер. с нем. О. В. Кильдюшева. СПб., 2024. С. 138.

конкретности Никейского собора и лишению его тем самым церковно-исторической очевидности. И если еретик Евсевий — прообраз политической теологии, то и сама эта теология является еретической, иронизирует Шмитт, в противоположность ортодоксальности обычного богослова, с политикой не связанного. На самом деле восторг Евсевия перед делом святого Константина по христианизации империи — естественное поведение для христианина, пережившего гонения Диоклетиана и удивлённо увидевшего именно в его преемнике, таком же римском императоре, «сдерживателя» антихриста.

Для Шмитта никейская эпоха — золотое время, когда именно отцы Церкви, исходя из своей христианской веры, деятельно участвовали в политической борьбе своей эпохи. «Даже путь в пустыню или на колонну столпника, — патетически восклицает автор, — может в зависимости от ситуации превратиться в политическую демонстрацию. Во всё новых формах со светской стороны проявляется потенциальная повсеместность политического, а со стороны духовной — повсеместность теологического»¹².

Критика восхищения Евсевия римским государством и его правовой культурой, предшествовавшим Боговоплощению, («Всё это произошло лишь тогда, когда римляне установили своё господство, от дней пришествия нашего Спасителя до настоящего времени»¹³) также непонятна Шмитту. Для него Евсевий является церковно-теологической фигурой в контексте противостояния Церкви не государству а всё ещё языческой империи, которая только стремится стать христианской.

В отклике современного российского германиста А. В. Михайловского на первое издание книги Меринга справедливо говорится о мифотворчестве Шмитта в отношении себя самого — он и мелвилловский капитан Бенито Серено на мятежном корабле, то «катехон» из послания Ап. Павла, «то переоблачается в нерешительного Гамлета, как и приличествует невольному участнику «всемирной гражданской войны», то видит себя Одиссеем, который «многих людей города посетил и обычаи видел» («познал номос», переводит Шмитт)¹⁴ — надпись на греческом, выбитая на могиле Карла Шмитта рядом с православным крестом.

В завершение необходимо отметить следующее. Несмотря на то, что русский перевод Меринга был готов уже несколько лет назад,

12 Там же. С. 139.

13 Там же. С. 160.

14 Михайловский А. В. Биографический пазл: Райнхард Меринг о «взлете и падении» Карла Шмитта // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 75.

его нельзя назвать блестящим — метод «частых точек» хорош для прозы Пушкина, а не биографического повествования, превращающегося в переведённую искусственным интеллектом справку из интернет-энциклопедии, да и дополнительная корректорская вычитка пошла бы изданию на пользу.

Однако сам факт долгожданного издания этой биографии перекрывает все его возможные огрехи.

Библиография

- Балл Х.* Византийское христианство / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2008.
- Меринг Р.* Карл Шмитт. Взлет и падение / пер. с немецкого И. Ивакиной. М.: Дело; РАНХиГС, 2023.
- Михайловский А. В.* Биографический пазл: Райнхард Меринг о «взлете и падении» Карла Шмитта // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 71–75.
- Шмитт К.* Политическая теология / пер. с нем. Ю. Коренец и А. Филиппова. М.: Канон-пресс-Ц, 2000.
- Шмитт К.* Политическая теология II. Легенда об упразднении любой политической теологии / пер. с нем. О. В. Кильдюшева. СПб.: Владимир Даль, 2024.